

Алена Яворская

«Бестолковая улица»

Из книг, написанных об Одессе, вполне можно сложить пирамиду. Думаю, по величине она как раз сравнится с пирамидой Хеопса.

Но ведь город состоит из улиц. А кто из поэтов и писателей воспел улицы нашего города, хотя бы главные? Вспоминается разве что Семен Юшкевич и его «Дерибасовская». И краткая ироническая характеристика десятка улиц у Ефима Зозули.

Но если внимательно прочитать хотя бы часть написанного об Одессе, можно собрать литературный портрет каждой улицы.

Вот, например, Екатерининская – улица и площадь.

В 1818 площадь являет грустное зрелище, описанное князем Иваном Долгоруким в книге «Славны бубны за горами»:

«Другая церковь в городе предполагалась, при начальном его основании, во имя Св. Екатерины, но что же? Заложена, застроена до половины и брошена. ...О, как времена, да и в какой короткий срок, все истребляют! Ныне вы тут найдете недостроенные стены открытого со всех сторон храма, который разрушает и ветер тлетворный, и морские непогоды, и пуще еще пренебрежение челоуеков.

Вокруг его всюду настроены казармы: там живут солдаты; жены их ходят выливать в развалины храма всю домашнюю нечистоту; словом, воспетая и молитвословием прославленная скиния обратилась в место пустое и омерзительное. Древность предварила наложить на сей несовершенный храм печать свою, обложила его мхом и зарастила травой, а тем почтила намять соименной церкви сей Владычицы. Жаль, что я это видел, но, увидавши, не мог смолчать».

Руины сменил скверик, фонтан, а затем памятник. И вот уже иное, восторженное описание Дона Аминадо, картина начала XX века: «С высоты чугунного пьедестала, на примыкавшей к морю площади, неуклонно глядела вдаль бронзовая Екатерина II, а к царским ногам ее верноподданные сбегались переулки – Воронцовский, Румянцевский, Чернышевский, Потемкинский, и прямые, ровные, главные улицы, параллельные и перпендикулярные, носившие роскошные имена дюка де Ришелье, Де-Рибаса и Ланжерона».

После Февральской революции памятник «был накрыт брезентом во избежание эксцессов». Одесситы мгновенного отреагировали: очередной номер сатирического журнала «Бомба» украсила карикатура MAD (Михаила Дризо) – человек в канотье разглядывает памятник: «Чтоб в Одессе кого-нибудь не накрыли!». После прихода австрийских войск ткань исчезла, но ненадолго.

В короткий период советской власти весной-летом 1919 г. история повторилась. На майские праздники памятник «украсила» ткань с громадными звездами. В «Окаянных днях» Иван Бунин писал:

«Перед вечером был на Екатерининской площади. Мрачно, мокро, памятник Екатерине с головы до ног запутан, забинтован грязными, мокрыми тряпками, увит веревками и залеплен красными деревянными звездами. А против памятника чрезвычайка, в мокром асфальте жидкой кровью текут отражения от красных флагов, обвисших от дождя и особенно паскудных...

Из окон прекрасного дома возле чрезвычайки, против Екатерины, неслась какая-то дикая музыка, пляска, раздавался отчаянный крик пляшущего, которого точно резали: а – а! – крик пьяного дикаря. И все дома вокруг горят электричеством, все заняты.

Вечер. И свету не смей зажигать и выходить не смей! Ах, как ужасны эти вечера!»

Пришли добровольческие войска – и вновь озирали улицы Екатерина и фавориты. Но, как в сказке – третий раз стал роковым. В мае 1920 памятник снесли, а затем на колонну установили новый. Вера Инбер в повести «Место под солнцем» писала:

«На этот цоколь, на этот темно-красный монолит было решено поставить бюст К. Маркса. Торжество открытия памятника

состоялось в зимний день, когда туман клочьями носился по городу и за углом площади разрушался дом, из которого были вынуты все деревянные части для топки.

Памятник был накрыт парусиной. Наконец, холодные трубы и валторны заиграли «Интернационал», и мы, стоящие внизу, увидели памятник. Он состоял из одной головы, как богатырь, с которым сразился Руслан. Не было ни плеч, ни шеи. Каменная волна волос сливалась с бородой, плоскости щек были квадратны, потому что скульптор был кубист».

У Екатерининской площади, светлой и солнечной, в 1919-20 году была мрачная репутация – здесь размещалась ЧК.

Поэт Александр Биск вспоминал:

«Мне пришлось изведать прелестей советского режима. Я был арестован в качестве заложника. Я пошел вместо моего отца. Больше всего меня поразило, что чекист, который был в форме студента Новороссийского университета, явился один, без всякого оружия. Эти люди прекрасно знали, что буржуазия – народ интеллигентный, и не позволит себе никаких беспорядков. И на смерть они шли как послушные овцы.

Просидел я, впрочем, недолго, всего 3 дня. В это время печаталась моя книга из Рильке. По гениальному совету Изы Кремер, моя жена забрала из типографии первый экземпляр моей книги и пробралась с ним к самому председателю ч-к Калиниченко (чтобы доказать, что я не буржуй). Меня в конце концов освободили... В чрезвычайке моим соседом по койке оказался Федор Яковлевич Гальперин. В то время как наших соседей брали на расстрел, мы беспрерывно играли в шахматы, и это погружение в потустороннее спасло нас от излишних мук и переживаний».

Сын, Анатолий Биск, ставший французским поэтом Аленом Боске, в повести «Русская мать» дополняет семейную легенду:

«В назначенный час ты опять у Червенко. А тот ходит из угла в угол, матерится, нечесаный, гимнастерка расстегнута. Не кончил здесь всех дел, а его бросают в Курск, на борьбу с контрой. Тебя он насилу вспомнил. Ну что явилась ни свет ни заря? Ты в слезы, робко протянула отцову книгу. Прочел посвящение, пожал плечами, прошептал:

– Дура ты буржуйская, в расход бы тебя вместе с ним...

Ты опустила на стул, уткнула лицо в платок. Он подошел и сказал:

– Сохраню, что ль, на память. Чушь несусветная, а все ж в мою честь. Только хранить-то недолго. Такие, как я, скоро погибают, на баррикадах или на поле боя, – поймал твой взгляд, полный слез, боли, надежды, и пробормотал, точно думал вслух: – К стенке бы вас всех, и баста.

Потом схватил тебя за руку, достал из ящика связку здоровенных ключей и пошел с тобой к лестнице, ведущей вниз. В подвале, с револьвером в руке, в присутствии охранника отпер камеру, где сидели отец и еще двенадцать заключенных. Миг – и вы на лестнице. Он ткнул отца в ребра, открыл дверь, с виду заколоченную. Пройдя по улице сто метров, отец раскрыл книгу на странице с посвящением Червенко. Объяснять было незачем».

Ни отец, ни сын не называют улицу, на которой была ЧК. Слушатели и читатели отца – не забыли, читателям сына – безразлично.

Но вот Исаак Бабель в не опубликованном при жизни рассказе «Фроим Грач» четко обозначил место действия и вложил в уста героя пророческие слова, определившие на долгие годы новый облик города:

«...он дошел до Екатерининской улицы, свернул у памятника императрице и вошел в здание ЧК.

– Я Фроим, – сказал он коменданту, – мне надо до хозяина.

...И комендант ввел в кабинет старика в парусиновом балахоне, громадного, как здание, рыжего, с прикрытым глазом и изуродованной щекой.

– Хозяин, – сказал вошедший, – кого ты бьешь?.. Ты бьешь орлов. С кем ты останешься, хозяин, со смитьем?»

Драматург Микола Кулиш жил на площади в общежитии партийных работников, но свою пьесу «97» придумывал, гуляя по Пушкинской и бульвару.

Улица Екатерининская начинается от площади. Впрочем, для многих гуляющих она заканчивается площадью. Об улице этой насмешливо, но с любовью написал В. Жаботинский в романе «Пятеро»:

«Потом Екатерининская: бестолковая улица, ни то и ни се; притяжала на богатство, щеголяла высокими франтоватыми домами вчерашнего производства, и почему-то «сюдою» по вечерам вливался и на Дерibasовскую, и на близкий бульвар главный поток гуляющих; а чуть подальше, справа, шумные, как море у масивов, запруженные сидящими, окруженные ожидающими, темнели биржи-террасы кофеен Робина и Фанкони.

Но в то же время «сюдою» и няньки водили малышей в детский сад, что уютился под обрывом у самого бульвара; и приказчики и посыльные, с пакетами и без, тут же сновали между городом и портом; и сама портовая нация, в картузах и каскетках набекрень, а дамы в белых платочках, часто предпочитали, чем тащиться по отведенным для этого сословия плебейским «балкам» и «спускам», гордо взмыть к высотам прямо из гавани по ста девяносто восьми гранитным ступеням знаменитой лестницы (одно из восьми чудес света), – и наверху, мимо статуи Дюка в римской тоге, сразу вторгнуться в цивилизацию и окропить тротуары Екатерининской водометом подсолнечной шелухи. Не просто угол двух улиц, а микрокосм и символ демократии – мешанина деловитости и праздношатания, рвани и моды, степенства и босячества...»

Так же смешаны улица и площадь и у Алексея Толстого в повести «Ибикус, или Похождения Невзорова»: «Если душа ваша раздвоилась и заскулила, сверните скорей на Екатерининскую, дойдите до набережной, станьте у подножия герцога Ришелье... Какой великолепный и успокаивающий вид! Бронзовый герцог, в римской тоге, приветливым и важным жестом указывает на широкий, покрытый мглюю порт».

На углу улицы Екатерининской и Театрального переулка в 1921-1922 гг. размещался театр КРОТ (Конфрерия рыцарей острого театра). Воспоминания Рины Зеленой о «КРОТе» уже публиковались на страницах альманаха.

В этом веселом театре режиссером и художественным руководителем был Виктор Типот, актрисами Рина Зеленая, Вера Инбер, занавес поднимала будущий литературовед Лидия Гинзбург, а играл на скрипке юный Давид Ойстрах. Дружная труппа сочинила даже свой гимн:

«Гимн Кротов»

Смиранный крот
В земле живет
Во мраке и тиши,
Родит детей
В норе своей
И счастлив от души.
Но мы, наземные кроты,
Не так проводим дни:
Мы любим солнце и огни,
Улыбки и цветы...

Приве:

В зной ли, в холод
Будешь ты стар или молод,
Каждый с радостью придет
Посетить веселый «Крот».
Вечер синий,
Будет то дождь или иней,
Сгладят хмурые черты
Бодрые кроты.

О том, как в трудное время актеры ухитрились менять костюмы, Рина Зеленая в мемуарах «Разрозненные страницы» вспомнила:

«Как полагается «кроту», театр помещался в подвале. Шли пародии на оперетты. Потом это стало для всех маленьких театров тривиальным приемом, но тут все было в первый раз, все надо было придумывать самим. ...Целые дни надо было работать, чтобы менять программу каждую неделю. Репетиции, спектакли – ведь зрители платили деньги, которые делились между всеми... Душа всей технической работы театра – Н. Блюменфельд. Она костюмер, она рабочий, художник, переводчик, портниха, парикмахер, козел отпущения и машинистка. Кроме того, она жена нашего главного режиссера В. Типота и актриса на выходах.

Костюмерная наша помещалась вся в одном большом сундуке. Туда вообще заталкивалось все для нашего театра, приносившееся из дома не на время, а насовсем: клетчатые лоскутья, полосатые ленты, куски материи, украденные из дома, штаны, просто отдельные бархатные рукава, цилиндры, фалды от фраков, страусовые перья, ботинки на пуговицах, шали, распоротые платья, шляпы, кружева.

В каждой программе все это служило по-разному. Сегодня это был шлейф дамы, в следующей программе – плащ палача или скатерть на столе на сцене. В случае необходимости сундук пополнялся новыми «ворованными» дома вещами.

Первый вопрос, который Надежда Германовна Блюменфельд задавала актеру: «Вы спиной к зрителям поворачиваетесь?». Если нет, ваш костюм сзади она затягивала веревкой или куском бязи. Лицом к публике при этом вы стояли в великолепном одеянии из блестящей парчи или бархата, с бриллиантовыми застежками и короной на голове. Со сцены одетый таким образом человек уходил за кулисы, так ни разу не повернувшись спиной, и публика ничего не знала о необыкновенной изобретательности, находчивости, выдумке нашей художницы.

Мы играли царей, средневековых дам, санкюлотов, русских матрешек и французских маркиз в фижмах. Иногда костюмы делались даже целиком».

Вернемся в век девятнадцатый. На Екатерининской два входа в Пале-Рояль.

Путешественница Олимпиада Шишкина в книге «Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 г.» оценивала его лавки критически:

«На Театральной площади, между лавками, есть и гостиницы, и кондитерские. В лучшей из последних, у Каруты, покупали мы сироп вдвое дороже, но не так хорош, как киевский. В двух модных магазинах в гостином дворе у француженок или, по крайней мере, у иностранок, называющихся француженками, чепчики и шляпки хуже и дороже, нежели у русских купцов в Петербургском гостином дворе, с которым здешний только одно имеет сходство, что также построен четверугольником. Внутри его, откуда вход в лавки, посажены белые акации и другие деревья, и со временем будет здесь

прекрасный сад. Теперь более гуляют вокруг лавок, по асфальтовой мостовой; она очень гладка, и по ней легче ходить, нежели по камню. Здесь два раза в неделю играет музыка, и тогда особенно много гуляющих: под деревьями расставляют стулья и столы, за которыми пьют чай, едят мороженое и конфеты, что все под рукою. Лавки кругом освещены, и под ногами светится огонь из отверстий с железными решетками, в которые видно, что там живут.

Здесь множество иностранцев; приезжие отличаются своими белыми и серыми безобразными блузами, и когда на несколько минут умолкает музыка, со всех сторон слышны различные языки, восточные и западные. ...я наслаждалась, гуляя и отдыхая с избранным обществом, под прекрасным южным небом, в прохладе вечерней».

«...После постройки Пале-Рояля там появился роскошный кафе-ресторан Каруты, а также гастрономические магазины: Шартрен, Роблен и кондитерская Замбрини с красавицей хозяйкой. Эти заведения впервые стали посещать и дамы из высшего общества», – писал Осип Чижевич в «Записках одесского старожила».

Николай Мурзакевич в «Одесской старине» иронически отзывался как о месте, так и об архитекторе: «Гостиный двор, прозванный мелкими торговцами пале-ройялем, по неизвестно какому сходству с парижским, не имеющим, впрочем, ничего общего, кроме некоторой местной вони, построен по проекту Торичелли, всегда ошибавшемуся в пропорциях. Садик, что внутри двора, разведен в 1847 г. княгиней Е.К. Воронцовой».

У многих центральных улиц есть свои деревья. Липы Дерибасовской, сменившие акации. Платаны Пушкинской, акации Пастера-Херсонской.

Екатерининскую украшают экзотические катальпы – родственницы тропических лиан. За большие сердцевидные листья катальпы прозвали «слоновьи уши».

Об истории кафе Робина и Фанкони писали неоднократно исследователи-краеведы Олег Губарь и Ростислав Александров (Александр Розенбойм).

Публика эти кафе посещала разная – «Робина» облюбовали актеры и писатели, а «Фанкони» – люди серьезные, деловые – торговые маклеры, биржевые спекулянты.

Путеводитель Григория Москвича писал о «Фанкони»: «На Екатерининской, между Дерибасовской и Ланжероновской ул. перво-классная кондитерская. Кафе очень усердно посещается изысканной публикой и коммерсантами. Место, где узнают всякие злободневные новости. Фирма существует несколько десятков лет и является средоточием крупнейших биржевых деятелей Юга». Именно здесь продавал еврейские календари герой рассказа Шолом-Алейхема «Семь календарей» в начале XX века: «И вот расхаживаю я со своим товаром – всякими молитвенниками и календарями на круглый год – по Ланжеронской и Екатерининской, возле «Фанкони», где шатаются все биржевики и маклеры и «вообще» всякие евреи, и высматриваю, не пошлет ли мне Бог какой-нибудь заработок. Расхаживаю, значит, вот такой, каким вы меня видите, по тротуару у кафетерия Фанкони, где обычно наши биржевики ботинки рвут, и думаю про себя: где добыть покупателей на оставшиеся календари? Прошел уже Новый год, Судный день, скоро совсем незаметно уйдут и Кущи, а я все еще не распродал свои остатки... Останавливаюсь возле «Фанкони» и разглядываю биржевиков, которые снуют мимо меня взад и вперед, – я знаю их всех как облупленных – и размышляю: кому же предложить мои остатки, когда я всех уже «обеспечил» календарями на круглый год? Стою так размышляю и вдруг вижу, за столом у Фанкони, поближе к улице, сидит генерал в эполетах и помешивает ложечкой кофе, а подле него стоит «красная шапочка», из тех, что бегают на посылках». История эта закончилась, увы, печально.

Не очень повезло с «Фанкони» и герою повести А. Толстого «Ибикус, или Похождения Невзорова» в 1918 году, хоть начиналось все более чем удачно:

«Семен Иванович Невзоров уселся за столиком у Фанкони и, не снимая шляпы и пальто, чтобы их впопыхах не сперли, пригляделся осматривать посетителей, прислушиваться к разговорам.

В табачном дыму вертелась стеклянная дверь, впуская и выпускающая деловых людей, набивавшихся в этот час в кофейню со всего города. На лицах у дельцов было одно и то же выражение – смесь окончательного недоверия ко всякому жизненному явлению – будь то французский броненосец или накладная на вагон волоцких орехов – и, вместе, живая готовность купить и быстро продать таковое явление, получив разницу. Над столиками, среди котелков

и котиковых шапок, взлетали руки с растопыренными пальцами, метались потные лица, надрывающие голоса перекрикивали шум: ...«Сто бидонов масла...» – «Не крутите мне голову с аспирином». – «Продам доллары, куплю доллары». – «Послушайте, что вы мне лезете в карман?» – «Интересуетесь персидской мерлушкой или вы не интересуетесь?» – «Продам колокольчики». – «Слушайте, колоссальная новость: большевики взорвали Кремль».

Семен Иванович только усмехнулся презрительно: за несколько дней в Одессе, не нуждаясь в деньгах, он спокойно обследовал торговую и валютную биржу и выяснил, что в городе ничего решительно нет, ни товаров, ни денег, если не считать небольшого количества французской и греческой валюты, которую все время перепродавали одни и те же лица до четырех часов на углу Дерибасовской, а с четырех у Фанкони. В городе и у Фанкони торговали одними накладными и считали это даже более удобным, чем торговать только вещами: и весь магазин в кармане, и торговых расходов – только чашка кофе с пирожным.

По приезде Семен Иванович купил несколько тысяч франков «на всякий пожарный случай». Через несколько дней его начали осаждать предложениям – продать эти франки. Он только подмигивал. Тогда у Фанкони началось смятение, на Невзорова с ужасом оглядывались, – вот человек, который прячет товар и подмигивает. Франк взлетел на сто процентов. Но он и тогда отказался получить разницу и бросить франки снова на рынок, где уже с десятков дельцов пришли в ничтожество за неимением работы».

Петя Бачей из «Зимнего ветра» Валентина Катаева увидел «Фанкони» совсем другим. Он искал посыльного («красную шапку», о которых упоминал Шолом-Алейхем). Мальчишка подсказал:

«– Дяденька, вы идите прямо до Фанкони или до Робина, там еще остался один чудак «красная шапка», я, конечно, очень вами извиняюсь...

Петя еще ни разу в жизни не был в ресторане, а кафе Фанкони представлялось ему чем-то сказочно роскошным, безумно дорогим и недоступным для простого смертного.

Но теперь он был все-таки, черт возьми, раненный офицер и даже не какой-нибудь прапорщик, а настоящий боевой под-

поручик с аксельбантами и «клюквой». И у него лежали в кармане две керенки.

Преодолевая смущение, даже, сказать по правде, некоторый унижительный страх, Петя толкнул вращающуюся дверь и, бестолково покрутившись среди зеркальных стекол вертушки, толкнувшей его сначала в грудь, а потом в спину, чуть не прищемив снопы цветов, наконец очутился в знаменитом кафе.

Петя был разочарован.

Вместо шика и блеска он увидел почти пустой запущенный зал с диванчиками, столиками и дубовыми панелями, до бесконечности умноженными большими стенными зеркалами.

Сумрачный воздух отдавал старыми, застоявшимися запахами кухни, кофе и гаванских сигар.

За двумя столиками сидели солдаты в расстегнутых шинелях и пили чай со своим сахаром и хлебом.

Они покосились на прапорщика, но не встали. Петя вспыхнул и уже собрался сделать замечание, но как раз в эту минуту увидел «красную шапку» – седовласого старца с кривым пенсне на вульгарном бугристом носу.

Он сидел за буфетной стойкой на табуретке и играл в шашки с официантом в засаленном смокинге.

Видно, «красной шапке» давно уже не приходилось носить букеты, потому что, едва Петя подошел к нему, он ужасно обрадовался, засуетился, вскочил на ноги, в одну минуту поразительно ловко завернул цветы в бумагу, предложил Пете тут же у буфета написать записку, для чего раздобыл бумаги и конверт с печаткой фирмы «Кафе Фанкони», и не успел Петя глазом моргнуть, как уже за витриной на Екатерининской улице мелькнула «красная шапка», раскрылся зонтик, и посыльный, бережно прижимая к груди букет и книгу, растаял в дождевом тумане, как вестник счастья.

В феврале 1920 г. здесь открылся клуб военморов (военных моряков) имени П. Шмидта. Поэт-акмеист Владимир Нарбут в том же году писал в стихотворении «7 февраля 1920» о новых посетителях:

Широким военморам у Фанкони
Артелью раздувают самовар.

Впрочем, все опять быстро изменилось. Одесса 1925 в повести Алексея Каплера «Возвращение броненосца» – публика в кафе вновь меняется:

«Он шел по Екатерининской улице мимо оживших кафе Робина и Фанкони, где с утра до ночи за столиками «делались дела».

Тут можно было купить и продать все: доллары и франки, фунты, песеты и лиры, сахарин и железо, мануфактуру и горчицу, вагон ливерной колбасы и вагон презервативов.

Одни нэповские персонажи были одеты в сохранившиеся люстриновые пиджаки и «штучные» брюки в полоску, на головах у них красовались котелки и канотье; другие, приспособиваясь ко времени, щеголяли в новеньких френчах, кепках и капитанках. А из-под этих капитанок выглядывали физиономии новых буржуев, выросших мгновенно, как грибы после дождя.

Эта публика, правда, только прославляла основную массу прохожих – трудовой люд Одессы, служащих, рабочих. Но своей броскостью, наглым контрастом с очень скромно – если не бедно – одетыми людьми они создавали этот нэповский колорит, нэповскую атмосферу города».

Но все проходит. И вот уже судьба завсегдатаев кафе «Флорида» в знаменитом романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок»:

«Почти все они были в белых пикейных жилетах и в соломенных шляпах канотье. Некоторые носили даже шляпы из потемневшей панамской соломы. И уже, конечно, все были в пожелтевших крахмальных воротничках, откуда поднимались волосатые куриные шеи. Здесь, у столовой № 68, где раньше помещалось прославленное кафе «Флорида», собирались обломки довоенного коммерческого Черноморска: маклеры, оставшиеся без своих контор, комиссионеры, увядшие по случаю отсутствия комиссий, хлебные агенты, выжившие из ума бухгалтеры и другая шушера.

Когда-то они собирались здесь для совершения сделок. Сейчас же их тянули сюда, на солнечный угол, долголетняя привычка и необходимость почесать старые языки. Они ежедневно читывали московскую «Правду» – местную прессу они не уважали, – и все, что бы ни происходило на свете, старики рассматривали как прелюдию к объявлению Черноморска вольным городом. Когда-то, лет сто тому назад, Черноморск был действительно вольным

городом, и это было так весело и доходно, что легенда о «порто-франко» до сих пор еще бросала золотой блеск на светлый угол у кафе «Флорида».

В советское время на месте кафе были кассы Аэрофлота, а во время перестройки – опять «Фанкони».

Кафе Робина повезло больше. Завсегдатаями его была публика иного рода – актеры, журналисты, поэты. Петр Сторицын вдохновенно повествовал:

В костюмы рыжие одеты,
За рюмкой желтого вина
Сидели смуглые поэты
За столиком у Робина.

В 1950-е г. здесь был ресторан «Волна», который облюбовали китобои и плавсостав, благо «Антарктика» была за углом. Было даже выражение «нырнуть в «Волну». В мае 1958 г. ресторан «Волна» переименовали в ресторан «Украина». На веранде, окруженной старой чугунной решеткой (такая же когда-то была и у Фанкони), можно было посидеть еще совсем недавно. Но, увы, ресторан закрыли, а решетку снесли – она мешала банку. Теперь на этом месте – опять ресторан, уже без веранды.

До начала 1920-х годов на углу Екатерининской и Дерибасовской продавали цветы. Именно здесь купил их Петя Бачей, а уж затем озаботился поисками «красной шапки».

«Возле большого углового дома Вагнера испокон веков шла уличная торговля цветами.

Это был один из красивейших уголков города, где прямо на тротуаре под платанами стояли зеленые рундуки и табуретки, заваленные цветами.

В синих эмалированных мисках плавали розы. Из ведер торчали снопы гладиолусов, белых и красных лилий, флоксов, желто-фиолей, тубероз. В плоских тростниковых корзинах густо синели тесно наставленные букетики пармских фиалок, нежно и влажно пахнувших на всю улицу. Пахло сыростью резеды, левкоями, гелиотропом.

Но сейчас уже был октябрь.

Время цветов миновало. Зеленые столы и табуретки цветочниц наполовину опустели.

Но зато был в полном разгаре сезон хризантем. Зеленовато-белые, желто-коричневые, лиловые, кремовые, лимонные, канареечные, с туго закрученными к центру цветка узкими, как лапша, жирными лепестками, они лежали прямо на тротуарах целыми грудами, распространяя в холодном октябрьском воздухе свой особый, ни на что не похожий, не цветочный, а какой-то другой, острый, раздражающий аромат японских духов.

Покупателей совсем не было, и толстая старуха в теплых перчатках с отрезанными пальцами не без удивления посмотрела на щеголеватого не по времени офицера, который быстро выбрал десятка два самых крупных хризантем и прижал их к груди так, что они заскрипели, как свежие кочаны капусты.

Затем Петя увидел в ведре целый сноп последних осенних махровых гвоздик, громадных, карминно-красных, покрытых холодным серебряным туманом.

Их продавала, по-видимому, солдатка в стеганом армейском ватнике, со злым измученным лицом.

Петя, не торгуясь, купил у нее сразу все гвоздики, присоединил к ним хризантемы и в таком виде, почти весь закрытый цветами, пошел по Дерибасовской, отыскивая рассыльного».

У Константина Паустовского: «Вот угол Екатерининской и Дерибасовской. Здесь всегда по вечерам стояли цветочницы. В тазах с холодной водой лежали груды роз, пионов, сирени. На ветвях деревьев, над цветами висели горящие фонари. Рядом сверкало электричество, но старая традиция сохранилась – цветочницы приносили с собой фонари, зажигали их, и мягкий свет смешивался с запахом цветов».

Цветочниц описал Владимир Галицкий: «Особенно хороши были Дерибасовская и Екатерининская... В летнее время угол скрещения этих улиц становился царством цветов. Пышнотелые мещанки с Бугаевки, в туго накрахмаленных белых платках и передниках поверх ярких ситцевых кофт, сидели на скамеечках прямо у обочины тротуара. Перед ними – в ведрах, тазах – бастионы цветов всех сортов и оттенков. Покупать у них цветы счита-

лось особенным шиком, вокруг всегда толпилась зажиточная публика».

Неподалеку два магазина. «Абрикосова сыновья» продают конфеты, а рядом – игрушки «в магазине игрушек вдовы Колпакчи на Екатерининской, рядом с магазином Абрикосова», – вспоминал В. Катаев. «В магазине Колпакчи на Екатерининской улице продавались детские игрушки. Наиболее привлекали к себе внимание – да просто вы окаменевали, глядя на них! – волшебные фонари. В них была всегда вложена пластинка с изображением – с торговой, так сказать, целью: посмотрите, мол, как это делается. Бледная туманная пластинка из матового стекла, которая... Нет, это очень неясное описание! Он был заряжен, волшебный фонарь, вот как надо сказать, заряжен, и если бы можно было зажечь лампу, стоящую в нем, и если бы в помещении было темно, то можно было бы тут же и пустить его в действие – пластинка тут же появилась бы на стене в виде румяного, зеленого, карминового светящегося изображения какой-нибудь известной всем детям сказки», – это, конечно же, сказочник Юрий Олеша.

В 1914 году в новом здании на Екатерининской, 24, разместились существующие с 1907 года «Курсы рисования и живописи художника Ю. Бершадского». Новый дом был построен по последнему слову техники, в рекламе подчеркивали наличие лифта. В сентябре 1918 художник-реалист предоставил место в своей мастерской молодым одесским левым художникам – И. Малику, Т. Фраерману, А. Нюренбергу, В. Мидлеру, В. Бабаджану, Ф. Гозиасону, создателям «Свободной художественной мастерской». Как писала пресса: «Задачи мастерской – создать артель художников, свободных от всякой литературности и всевозможных видов эстетизма». Сюда приходил и старший брат Ильфа художник Михаил Файнзильберг. Амшей Нюренберг вспоминал: «В студию часто приходил Багрицкий и начинал развлекать студийцев... В студии часто устраивались вечеринки, на которых активно выступала дружившая с нами молодая одесская поэзия... Центральное место принадлежало Эдуарду». Багрицкий же был автором неофициального гимна студии:

Нет ничего прекрасней в мире,
Когда, вдыхая трубок дым,
Под номером 24
На пятом этаже сидим...

Автором сценок из жизни художников был и один из организаторов студии, Вениамин Бабаджан. Его стихи и сценки были опубликованы в предыдущих номерах альманаха.

Церковь Святой Екатерины так и не построили. Может, именно поэтому были на Екатерининской и костел, и греческая церковь, и армянская, и холодная синагога. Армянская церковь и синагога не сохранились. Путеводитель Москвича характеризовал их достаточно сдержанно:

«Армяно-Грегорианская церковь – небольшая, каменная, однокупольная, отделанная в классическом стиле.

Новая (холодная) синагога – построена в англо-готическом стиле. У главного фасада 3 выступа до среднего и боковых выходов. Две чугунные лестницы ведут на хоры, которые устроены с 3 сторон между кирпичными столбами.

...Главную достопримечательность синагоги представляет синагогальная служба, которая сопровождается прекрасным задушевным пением кантора и хора, составленного из мужских и детских голосов».

Более подробно описаны костел и греческая церковь:

«Римско-Католическая церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, существует с 1805 года. Когда была сооружена сначала деревянная, а затем каменная постройка. Свой нынешний вид храм получил в 1853 году. Архитектура церкви представляет смешанный стиль с готическими фронтонами, двойными полукруглыми окнами, романскими полуколоннами и готическими окнами в колокольне. В храме погребен граф Ланжерон.

Греческая Свято-Троицкая церковь – старейшая церковь Одессы. Нынешняя церковь построена взамен ранее существующей деревянной и освящена в 1808 году. В 1838 году она была значительно расширена, перестроена и украшена внутри. После перестройки совершенно другую форму получила колокольня. Стиль

церкви – классический, с невысокой колокольней: у главного входа – фронтон с коринфскими колонами.

С обеих сторон церкви, по Екатерининской улице, находятся принадлежавшие церкви дома и предназначенные для причта и собраний прихожан».

Греческую церковь и костел в 1818 году посетил уже упоминавшийся князь Долгорукий:

«Церковь греческая во всем подобна нашей и хорошей архитектуры, имеет своих особых священнослужителей. Дьячок в нее меня водил и все мне показывал; драгоценностей нет никаких; лишь образ местной Богородицы обвешен разными серебряными членами: их делают и в честь образа приносят те, кои страждут в каком-либо недуге и приписывают исцеление свое чудотворной силе той иконы. Тут уши, глаза, персты и пр. и пр.

Католическая римская церковь на особом же двор внутри города, небогата, но чисто и хорошо прибрана; при ней служит капуцин. Он меня водил по всему строению церковному: ходит по установлению своего ордена, босый, в одних туфлях, в сером капоте, с отложным капюшоном, опоясан ремненным поясом и с четками в руках».

Пройдет почти сто лет. В 1916 Иван Бунин напишет в рассказе «Сны Чанга»: «И вдруг распаивается дверь костела – и ударяет в глаза и в сердце Чанга дивная, вся звучащая и поющая картина: перед Чангом полутемный готический чертог, красные звезды огней, целый лес тропических растений, высоко вознесенный на черный помост гроб из дуба, черная толпа народа, две дивные в своей мраморной красоте и глубоком трауре женщины, – точно две сестры разных возрастов, – а надо всем этим – гул, громы, клир звонко вопиющих о какой-то скорбной радости ангелов, торжество, смятение, величие – и все собой покрывающие неземные песнопения. И дыбом становится вся шерсть на Чанге от боли и восторга перед этим звучащим видением».

Единственный католик среди молодых одесских поэтов двадцатых годов, Ю. Олеша:

«Уже мне не хочется вспоминать детство. Может быть, только костел на Екатерининской улице, небольшое готическое здание

с архитектурной розой над порталом, с непрочными ступенями, по которым ступали мои сандалии...

Я был католиком... обязан был я каждое воскресенье посещать костел.

Вот оно, одно из этих воскресений.

Я вхожу за ограду, иду по широким синеватым плитам, которые звенят под ногами. Вот ступени, я поднимаюсь, и вот я среди полумрака и прохлады каменных, а может быть, и железных сеньей костела... Здесь стоят, наклонив лбы, нищие; здесь властвует эхо; здесь я обнажаю голову. Костел поет мне навстречу. Орган, голоса мальчиков, тонкие колокольчики. Это размашистые, гигантские взмахи звуков. Я вижу вдали, где алтарь, целую толпу, часть которой движется, часть неподвижна: это люди и статуи. Люди в черно-белом; статуи текут желтым цветом масла. Мощно лежит среди них солнечный свет, падающий сверху. Он не лежит, он стоит среди них, как корабль в полной оснастке.

Там поют люди и орган. Поют колокольчики. Я вхожу и первым вижу то, о чем забываю всякий раз...

Когда я входил в костел, я видел стоявшие вдоль стен на высоте второго этажа статуи ангелов – почти детей, во всяком случае, не старше меня, в легких хитонах, сквозь которые просвечивали их тела. По мере моего продвижения вперед, к алтарю, образовывались ракурсы, в результате которых ангелы один за другим все более и более отворачивались от меня, а последний уже, казалось, уткнулся в стенку и плачет, скорбя обо мне, но не имея права простить меня...

Книжный магазин на Екатерининской улице помещался в доме по соседству с костелом. Близость готического здания, казалось, влияла на окружающее, и когда я останавливался перед темной витриной книжного магазина, то мелькавшая в ней фигура хозяина, маленького старика в черном костюме, воспринималась мной как фигура, вышедшая из иностранных книг, к которым тогда тянула меня фантазия».

Остап Бендер прогуливался у кафе «Фанкони», а вот мемориальная доска ему установлена в другом месте, на Екатерининской, 47. Это единственная шутивая мемориальная доска в нашем городе, а возможно, и во всем мире. Наискосок – четырехэтажный дом. Именно об этом здании КГБ (ныне СБУ) в со-

ветское время шепотом рассказывали анекдот: «Какое здание в Одессе самое высокое? – КГБ, из подвала Колыму видно».

На Екатерининскую, 70, в 1912-13 годах приходили юные поэты и прозаики – здесь размещалась редакция одного из первых литературных журналов для детей «в возрасте от 9 до 14 лет» «Детство и отрочество». Именно на его страницах дебютировали 12-летний Семен Гехт и 11-летний Макс Поляновский. Визит в редакцию журнала подробно описан в рассказе С. Гехта «В гостях у молодежи»:

«Издавался журнал в городе, который в целях литературной конспирации принято называть «городом на юге». Редакция помещалась в ряду железно-скобяных лавок на торговой улице.

Последние дореволюционные годы. Миновал несколько лавок с огромнейшими амбарными замками, останавливаюсь у дверей редакции. Особой, присущей новичкам робости не испытываю. Наоборот, ожидаю от встречи чего-то исключительно приятного.

Месяц назад я написал стихотворение и, по совету взрослых, послал его в редакцию детского журнала. ...Недели через две я увидел свое стихотворение опубликованным. Ну, уж тут руки зачесались вовсю, буквально не сходя с места, написал я еще стишок: с бурунами, чайками, а главное – реями. Что такое рея, я не знал, но слово, по-моему, годилось. Увы, в следующем номере я стихов уже не нашел. Школьный товарищ посоветовал: «Загляни в «Почтовый ящик».

Фамилию свою я нашел в «Почтовом ящике» сразу. Меня приглашали посетить редакцию. Посетить – вот именно! Приемный день – вторник, от трех до пяти».

Журнал публиковал рассказы известных писателей и юных дебютантов, развлекал и воспитывал – были в нем и разделы о научных открытиях, о ремеслах – лепка, плетение, вязание, рисование, выпиливание, – о географии, были шарады и загадки. Авторы зачастую подписывались псевдонимами, так что журнал мог гордиться публикацией самого «Наполеона Бонапарта». Редакция отвечала юным дарованиям в разделе «Почтовый ящик». В «Почтовом ящике» редакция сообщает «Наполеону Бонапарту, 8 лет. Рассказик напечатаем. ...скажите, пожалуйста, неужели Вы и есть тот самый, – великий Наполеон Бонапарт».

А заканчивается Екатерининская Привозом. Его изобилие воспел Эдуард Багрицкий в стихотворении «Встреча», написанном в 1923 году:

И в этот день в Одессе на базаре
Я заблудился в горах помидоров,
Я среди арбузов не нашел дороги,
Черешни завели меня в тупик,
Меня стена творожная обстала,
Стекая сывороткой на булыжник,
И ноздреватые обрывы сыра
Грозят меня обвалом раздавить.
Еще – на градус выше – и ударит
Из бочек масло раскаленной жижей
И, набухая желтыми прыщами,
Обдаст камень – и зальет меня.
И синемордая тупая брюква,
И крысья, узкорылая морковь,
Капуста в буклях, репа, над которой
Султаном подымается ботва,
Вокруг меня, кругом, неумолимо
Навалены в корзины и телеги,
Раскиданы по грязи и мешкам.
И как вожди съедобных батальонов,
Как памятники пьянству и обжорству,
Обмазанные сукровицей солнца,
Поставлены хозяева еды.

Вот так складывалась литературная история Екатерининской – «бестолковой улицы», ведущей от монумента к базару, а впрочем, может, и наоборот.

Хочется надеяться, что многие страницы еще заполнят вдохновенные стихи и блистательная проза, посвященная ее домам и людям.

